

Евразийство оставило немало книг, брошюр, периодических изданий (в 20-е годы в Берлине работало свое евразийское книгоиздательство), однако наследие это остается малоизученным. Не издана переписка евразийцев, не собраны лекции и доклады евразийских семинаров. Трудности еще и в том, что архивы евразийства рассеяны по разным эмигрантским центрам, так как их деятельность была рассредоточена в нескольких культурных очагах. Помимо упомянутых общих обзоров, принадлежащих перу авторов русского Зарубежья, евразийство практически не изучалось. Лишь в последнее десятилетие на Западе вышло несколько статей, касающихся этой темы: Роберта Уильямса и Чарльза Гальперина (США, 1982 и 1984), Отто Бесса (Мюнхен, 1981), Леонида Люкса (Кельн, 1987).

Отношение к евразийству в зарубежной научной мысли достаточно сдержанное: ему явно не прощается критика Запада, по своей радикальной направленности превосходившая все, что до этого было сказано на эту тему в русской философии и публицистике. В работах западных ученых евразийство расценивается как путь «из варяг в монголы», как стремление противопоставить западному изоляционизму категорически выраженный восточный изоляционизм и захлопнуть окно в Европу, прорубленное Петром. Как главная черта евразийцев выявляется акцент на азиатском компоненте России, заявленный начиная с программного сборника «Исход к Востоку» [6].

В такой критике, однако, опущим все тот же амбициозный европоцентризм, против которого так возражало евразийство. В действительности в анализе культурно-исторических основ русской государственности евразийцы не смещали акценты, а скорее именно синтезировали два равноопределяющих начала русской жизни, коренящиеся уже в самом особом географическом положении России, находящейся в центре евразийского материка [7, 8]. Геополитизм евразийства не является чем-то неожиданным, он развивает положения многих естественников-географов (Бэра, Рихтера и др.). По мнению евразийцев, насильственный перекос в сторону одного из начал и недооценка и игнорирование другого неизбежно ведут к искусственной изоляции России и разрушению ее специфических основ. Исходный тезис об объединенной Евразии — это не прямое отождествление с Востоком и не подмена России Востоком, а исследование *русской идеи* в ее самобытности. Это *исход* к Востоку, а не просто *путь* к Востоку, как это нередко представляется.

Сама по себе тема России и Запада, ставшая ключевым стержнем евразийской концепции, отнюдь не нова и на протяжении столетия являлась едва ли не основным вопросом русской общественной мысли. Непосредственными предшественниками евразийцев здесь следует назвать В. Ф. Одоевского, который первым высказал мысль о русской идее («Запад гибнет... Не одно тело должны спасти мы, русские, — но и душу Европы» [9]). А. С. Хомякова с его учением о «соборной идеологии» [10, 11], получившим наиболее систематическое выражение в трудах Н. С. Трубецкого; И. В. Киреевского (в особенности его статьи «Девятнадцатый век», «О характере европейского просвещения и его отношения к просвещению в России») с его идеями секуляризации личности как общественного целого на Западе и суждениями о том, что «русский быт хранит на себе печать восточного любомудрия» [12, 13]; Н. Данилевского с его книгой «Россия и Европа» — учением о множественности культурно-исторических типов и критикой европейской универсальности [14]; К. Леонтьева с его идеями византизма как первоисточника русского православия и утверждением религиозно-культурного наднационального единства [15]; наконец, Вл. Соловьева с его идеями о призвании России как некоей третьей силы, способной примирить крайности Запада и Востока и концепцией теократического государства, развитой затем евразийцами в теорию идеократического государства [16].

Н. Бердяев в работах о А. Хомякове и К. Леонтьеве, а также в книге «Русская идея» гораздо ближе смыкается с идеями евразийства, чем в своих